
Теоретико-эмпирические исследования

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ О ВОЗМОЖНОМ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Г.В. ИВАНЧЕНКО

Иванченко Галина Владимировна — заместитель декана факультета социологии Государственного университета — Высшая школа экономики, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор.

Автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии «Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве» (1999), «Психология восприятия музыки: проблемы, подходы, перспективы» (2001), «Совершенство в искусстве и в жизни» (2006), «Логос любви» (2007), «Идея совершенства в психологии и культуре» (2007).

Контакты: galina-iv@yandex.ru

Резюме

Профессиональное самоопределение личности традиционно рассматривается почти исключительно как процесс выбора на этапе окончания средней школы. Однако можно говорить о не меньшей личностной значимости выбора выпускников вуза в сравнении с тем, перед которым оказываются выпускники средней школы. Дополнительную напряженность профессиональному выбору студентов выпускных курсов сообщает его «увязанность» с задачами жизненного выбора (жизненных выборов). Вследствие этого теоретический анализ профессионального самоопределения требует обращения к понятиям и конструктам, используемым в социологии и психологии для отражения рефлексивной и мотивационной составляющих самоопределения. В статье приводятся и анализируются результаты исследования представлений о возможном выборе выпускников столичных и региональных вузов.

Введение

Современная социокультурная ситуация весьма противоречива: с одной стороны, жизнь в развитых обществах все более насыщается возможностями: так, всеобъемлющие системы кредита и страхования переводят повседневную жизнь в сослагательное наклонение. С другой стороны, экспоненциальный рост возможностей явно не соответствует динамике их использования. В России вполне очевидна неравномерность распределения возможностей и их использования. Исследователям в особенности важно понять, в какой степени существующий стереотип колоссального избытка возможностей в одних городах и регионах и огромного дефицита возможностей в других регионах отражает реальность.

Новизна исследования связана в первую очередь не с объектом исследования (к которому неоднократно обращались социологи, из последних масштабных исследований назовем «Мегаполис и провинция в современной России: образы и реальность», «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить»), но с глубинным планом анализа мотивации и стратегического планирования. Вместе с тем и глубинные пласты подвержены влиянию социокультурных тенденций.

Отметим здесь лишь некоторые из них. Как показали исследования выбора, в том числе потребительского выбора, расширение возможностей хорошо до определенного предела. При наличии более чем двадцати вариантов потребитель склонен

избегать выбора, бесконечно откладывать его либо выбрать первый подвернувшийся вариант (см. например: Шварц, 2005). Другая тенденция афористически сформулирована П. Брюкнером в «Вечной эйфории»: «Как только желанное становится возможным, оно причисляется к разряду необходимого» (Bruckner, 2000). И хотя объективно возможности как таковые остаются, сознание индивида наделяет их иным статусом. Все же ряд возможностей рассматривается, по крайней мере некоторыми индивидами, как «резервные», а часть, очевидно, будет отнесена ими к категории «лишнего» (которую можно выделить наряду с «необходимым», «должным» и «возможным»). «Совладание» с «избыточными» возможностями является деятельностью, которая, как мы предполагаем, в рамках развитых социумов становится типичной.

Вполне очевидно, что границы человеческой деятельности задаются и объективными условиями, и личностными особенностями, например, способностями, мотивацией достижения успеха или избегания неудач в той или иной сфере.

На наш взгляд, значительную прогностическую ценность представляют стратегии самоопределения личности в сфере возможного. Сферу возможного определим как относительно устойчивую систему взаимосвязанных целей-ценностей, достижимых при изменениях наличной ситуации субъекта вследствие ее собственной динамики развития или в результате деятельности субъекта либо прекращения деятельности (Иванченко, 2002). При наиболее благоприятных условиях и максимальной эффективности

и мотивированности субъекта результат его деятельности будет соответствовать пределу, или границе, возможного. Сфера невозможного лежит «по ту сторону» предела возможного и определяет человека отрицательно (как то, чем он не был, не стал, не будет). Хотя в общем виде развитие личности можно представить как расширение сферы возможного, рост достигнутого влечет за собой умножение неосуществившихся вариантов развития и расширение сферы невозможного. В широком смысле любой процесс развития состоит не только из роста и совершенствования, но и из потерь и упадка (такой взгляд утвердился, в частности, во всевозрастном подходе в психологии развития — Балтес, 1994). Одной из нерешенных проблем в исследовании мотивации является выявление масштабов и характера разрыва между наличными возможностями и намерениями субъекта реализовать их, выявление типичных способов — идеальных или деятельностных — преодоления этого разрыва.

Шаги, предпринимаемые личностью для устранения либо минимизации указанного разрыва, в широкой временной перспективе образуют жизненные программы, сценарии, жизненные планы, жизненный путь. Социология жизненного пути — одна из областей, на протяжении ряда лет разрабатываемая в российской, а ранее советской социологии, прежде всего исследовательскими группами М.Х. Титмы (1985, 1992), Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкина (1985), в последние годы — Д.Л. Константиновского (1997). Несколько иная перспектива задается еще

одним, существенно менее, нежели «жизненный путь», разработанным конструктом — «жизненные стратегии личности». В отечественной науке это, прежде всего, работы К.А. Абульхановой-Славской (1991, 2000), Н.Ф. Наумовой (1995), Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова (2002).

Объективные изменения условий жизнедеятельности в тех или иных регионах, областях, городах России отражаются в сознании, в частности, как расширение-сужение сферы возможного. В более общем плане само социальное пространство может определяться как «набор возможностей действия» (Левада, 1993, с. 41). Социокультурные способы реализации деятельности, институализирующие содержащиеся в поведенческом поле возможности и шансы, играют важную роль в социальной дифференциации и стратификации. Питирим Сорокин говорил в этой связи о «селекционирующих институтах» и подчеркивал значение характера препятствий, которые эти институты устанавливают для индивидов. Если эти препятствия «злонакачественны» и «неадекватны», это ведет к печальным последствиям для всего общества. Если же они адекватны и правомерны, то и социальное распределение индивидов приведет к процветанию всего общества (Сорокин, 1992).

Взаимодействие личностных диспозиций и ситуационных детерминант описывается в классических теориях «ожидаемой ценности» (Feather, 1959), «выбора риска» (Atkinson, 1964) и в более совершенной модели Ю. Куля, связывающей вероятность успеха и привлекательность цели через понятие «личностного

стандарта» — так, для индивидов с заниженным стандартом привлекательность избегания трудных задач позитивна (Kuhl, 1978). Вместе с тем вполне очевидно и то, что одни и те же возможности могут выглядеть избыточными для одного субъекта и совершенно недостаточными в глазах другого.

Нельзя не заметить, что объяснительный потенциал категорий «возможности» и «потенциал» (человеческий, личностный, профессиональный и т. п.) реализован явно недостаточно. Впрочем, насколько маргинальным, неинтегрированным в систему психологической терминологии остается термин «возможности», настолько в последние годы легитимизировалось положение «человеческого потенциала» — ныне одной из наиболее актуальных междисциплинарных проблем, получивших к тому же «мировое признание», отчасти благодаря интеграции с проблематикой «устойчивого развития». В России разработка этой проблемы ведется в рамках концепции человеческого потенциала в Институте человека РАН (Генисаретский, Носов, Юдин, 1996; Келле, 1997; Авдеева, Ашмарин, Степанова, 1997; и др.). Понятие человеческого потенциала «переопределяется», конкретизируется в различных аспектах его изучения: социально-организационном, экономическом, социально-экологическом и экзистенциальном. Сформулированы понятия базового, деятельностного, психологического потенциала, как индивидуального, так и популяционного (Зараковский, Степанова, 1998), психофизиологического потенциала (Медведев, Зараковский, 1994), профессиональ-

ного потенциала личности (Маноха, 1995).

В последние годы в российской психологии начат цикл исследований «личностного потенциала» как «системной характеристики индивидуально-психологических особенностей личности, лежащей в основе способности личности исходить в своей жизнедеятельности из устойчивых внутренних критериев и ориентиров и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» (Леонтьев, 2007. с. 4–5). В русле данного направления личностный потенциал рассматривается как единство двух регуляторных функций, дополняющих друг друга: функции самоопределения и функции реализации. Если содержанием первой выступает расширение спектра возможностей действия, спектра потенциальных смыслов ситуации, то содержанием второй — сужение спектра возможностей, совладание с их избыточностью, преодоление неопределенности.

Эти новейшие достижения опираются на богатую психологическую традицию. Еще в 1960-е годы развитие идей экзистенциальной и гуманистической психологии привело к созданию движения «Человеческий потенциал» (Эсаленский институт, США). Многомерный процесс развития личности описывался через понятия «стремление к смыслу» (В. Франкл), «полноценного человеческого функционирования» (К. Роджерс), «самоактуализации», «самореализации» (Ш. Бюлер, А. Маслоу). В российской психологии также накоплен опыт изучения человеческого потенциала,

проявляющегося как личностный и творческий: психология творчества (Д.Б. Богоявленская, Я.А. Пономарев), психология субъективности (В.И. Слободчиков), психологическая антропология (В.П. Зинченко), психология жизненного пути (Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник), психология неадаптивной активности (В.А. Петровский), концепции жизненных миров личности (Ф.Е. Василюк) и метаиндивидуального мира (Л.Я. Дорфман), психология смысловой сферы личности (Д.А. Леонтьев).

Возможностям повезло гораздо меньше. Ни один из советских и российских психологических словарей не содержит этого термина (как, впрочем, нет и статей, посвященных потенциалу личности). Этот термин преимущественно употребляется, когда нужно уточнить, оттенить ту или иную грань связанных с личностью и мотивацией понятий. Так, характеризуя процесс саморегуляции, К.А. Абульханова-Славская (1991, с. 97) указывает, что в нем «личность “принимает в расчет” не только “нужное количество, меру активности”, но и учитывает свое состояние, возможности, всю совокупность мотивов, социально-психологических ориентаций и т. д.». А.А. Ершов (1991, с. 15–16) мотивообразующий эффект саморегуляции определяет через соизмерение человеком своих возможностей и «духовных, интеллектуальных, волевых, физических потенциалов» с требованиями среды, условиями и целями деятельности, с объективно необходимыми затратами. В монографии А.А. Ершова определения понятий

«возможности» и «потенциалы» не сформулированы; К.А. Абульханова-Славская, раскрывая свое понимание возможностей субъекта (от которых зависит регуляция деятельности), специально оговаривает ограниченность этого определения контекстом: «В данном случае мы имеем в виду его способности, навыки и особенности реакции на неожиданность и т. д.» (Абульханова-Славская, 1980, с. 270).

В философии с помощью парных категорий возможности и действительности описываются процессы развития материального мира. Возможность как объективная тенденция развития при определенных условиях переходит в действительность, существующую как реализация некоторой возможности. Взаимопереходы реальной и абстрактной возможностей, количественное их соотношение составляет основу вероятностного прогнозирования субъектом последствий своих действий и независимо от него существующих тенденций.

Практически все вопросы, поставленные в философии применительно к проблемам возможного и действительного, имеют тесную связь со сферой психологии, например, соотношение «актуального» и «потенциального». Еще Аристотель в «Метафизике» предупреждал о невозможности строго определить «потенцию», «акт» и связывающую их «энергию». Возможность перевода потенциального в действительное, считал Г.-Ф. Гегель, содержится в человеческом действии: «Истинное бытие человека есть его действие: в нем индивидуальность действительна» (Гегель, 1959, с. 172). Достаточно близкие

положения высказывались и С.Л. Рубинштейном, и А.Н. Леонтьевым: сознание только опосредует изменения, производимые действиями субъекта.

Другой аспект связан с проблемой соотношения свободы и детерминированности в человеческой деятельности (обзор психологических подходов к этой проблеме см.: Леонтьев, 2000). Оппозиция «свобода—детерминизм» издавна служит эвристическим основанием в классификациях психологических теорий и подходов. Разные степени свободы, вероятно, не образуют однородный континуум, поскольку свобода и необходимость могут представлять одну и ту же сущность, что отражено, например, в следующем высказывании Ф. Шеллинга: «Именно сама внутренняя необходимость умопостигаемой сущности и есть свобода... необходимость и свобода существуют одна в другой, как одна сущность, лишь рассматриваемая с разных сторон и потому являющаяся то одним, то другим» (Шеллинг, 1908, с. 127).

Еще одна грань проблемы возможного в философии — проблема потенциальной бесконечности. Трактовка самосознания как бесконечного стремления восходит к Платону, проходит через всю платоническую традицию христианской философии к утверждению И. Фихте о том, что сущность человеческого «Я» есть бесконечное стремление. В своих желаниях и действиях «Я» всегда встречает границу, препятствие: без такого ограничения, такого чувства конечности не было бы стремления. Но вместе с тем «стремление есть отрицание ограничений, выход за пределы каждой вновь полагаемой

границы: и без такого чувства от всякой данной конечности тоже не было бы стремления» (цит. по: Вышеславец, 1994, с. 139). Вряд ли возможно определить, когда в историческом масштабе человеческое «Я» приобретает импульс такого рода, стремясь не к чему-то определенному, но к пределу возможного. Карл Ясперс, один из проницательнейших мыслителей XX в., само появление человека современного типа связывал с возникающей в «осевое время» рефлексией человека относительно границ и пределов своих возможностей. К. Ясперс полагал, что в те времена разрыв между возможностями большинства людей и возможностями отдельных личностей был существенно выше, нежели сейчас (Ясперс, 1994).

Границы возможного не существуют вне осознающего их человеческого сознания; вместе с тем, будучи осознанными однажды, они становятся неотъемлемым элементом жизненного мира человека — «организованной совокупности всех объектов и явлений действительности, связанных с данным субъектом жизненными отношениями» (Леонтьев, 1990, с. 51). Сфера возможного по отношению к жизненному миру выступает как его идеальный, предвосхищаемый прообраз. В процессе целеполагания субъект выходит за пределы требований наличной ситуации и стремится практически определить границы своих возможностей. Но еще до этого он обладает «представлениями о возможном», присущими тем или иным социальным общностям или группам и в совокупности образующими «пространство возможностей» индивида. Поскольку представления о возможном являются

одним из видов «социальных представлений» (история этого понятия прослежена в обзоре С. Московичи, 1992), к ним также можно отнести следующие характеристики: способность предопределять и предписывать поведение индивида (М. Вебер), определенная устойчивость и объективность (Э. Дюркгейм), функция преодоления дистанцированности от других членов общности (Г. Зиммель).

Но можно ли приравнивать возможности к объективно существующим обстоятельствам, благоприятствующим либо препятствующим деятельности субъекта? Наша жизнь, утверждал Х. Ортега-и-Гассет, состоит прежде всего в сознании наших возможностей. «Жить — это значит пребывать в кругу определенных возможностей, которые зовутся “обстоятельствами”. Жизнь в том и заключается, что мы — внутри “обстоятельств”, или “мира”. Иначе говоря, это и есть “наш мир” в подлинном значении этого слова. “Мир” не что-то чуждое нам, вне нас лежащее; он неотделим от нас самих, он — наша собственная периферия, он — совокупность наших житейских возможностей... Мир, то есть наша возможная жизнь, всегда больше, чем наша судьба, то есть жизнь действительная» (Ортега-и-Гассет, 1991, с. 131). Отдельно взятыми возможностями сфера возможного не исчерпывается, поскольку принадлежность этих возможностей уникальной личности создает системное единство (при всей возможной дисгармоничности и противоречивости) сферы возможного субъекта.

Изменения сферы возможного на больших временных отрезках также задают основу жизненных стратегий. Основным критерием оптимально-

сти жизненных стратегий, видимо, является усложнение и обогащение жизненного мира и расширение границ возможного. Противоположный результат — упрощение — может быть достигнут различными способами: минимизацией притязаний, «свертыванием» жизненных отношений, в первую очередь потенциально выводящих за границы сферы возможного, ориентацией на постоянно меняющиеся сиюминутные требования жизненной ситуации или на устоявшиеся, общепринятые образцы жизненных стратегий.

Итак, основную **проблему исследования** можно сформулировать следующим образом: что мешает людям использовать открывающиеся перед ними возможности? Каким образом люди отказываются от одних возможностей и всемерно используют другие, как «урезают» количество возможностей, подлежащих тщательному рассмотрению? Если можно говорить о некотором «фильтре», ограничивающем «цветущую сложность» возможностей, то в какой мере ограничения определяются объективным наличием (избытком или недостатком) возможностей, а в какой степени — личностными детерминантами? А также: как представления о своих возможностях влияют на профессиональные планы студентов выпускных курсов, на выбор ими тех или иных целей, профессиональной карьеры в целом и на деятельность, направленную на их достижение?

Эмпирическое исследование 1

В пилотажном исследовании (апрель 2004 г.) объектом нашего

исследования были психологические особенности и мотивационные ожидания выпускниц высшей школы, планирующих сразу же по окончании вуза поступать в аспирантуру либо продолжать работать по специальности, получаемой в вузе; предметом исследования — стратегии самоопределения.

В исследовании использовалась разработанная нами социологическая анкета, а также методики:

1. Методика оценки личностных стремлений Р. Эммонса.

Исследование личных стремлений начинается с заполнения опрашиваемыми серии из 15 утверждений с открытым окончанием, основой которых является «Я обычно пытаюсь _____». После составления этого списка стремлений испытуемые заполняют матрицу (матрица взаимосогласованности стремлений), в которой строки и столбцы содержат стремления испытуемого. Для каждой пары стремлений испытуемый оценивает степень взаимной согласованности или несовместимости, вплоть до полного заполнения матрицы. Каждая цель оценивается дважды: по тому, как она воздействует на другие цели, и как другие цели воздействуют на нее. Для матрицы в целом определяется средний показатель конфликта или взаимосогласованности в целевой системе человека, который используется как переменная в сравнительном анализе испытуемых.

2. Тест на оптимизм Л.М. Рудиной (адаптированная версия опросника «ATTRIBUTIONAL STYLE QUESTIONNAIRE» М.Э. Селигмана).

3. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО).

4. Методика диагностики стремления к изменениям (Д.А. Леонтьев, Д.В. Сапронов).

5. Методика измерения гендерной идентичности личности (МИГИ) С.Л. Бем, адаптированная М.В. Бураковой и В.А. Лабунской.

Исследование проводилось в апреле-мае 2004 г. на базе Московского областного педагогического университета, Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Таганрогского радиотехнического университета, Таганрогского государственного педагогического университета. Всего в нем приняла участие 51 студентка выпускных курсов. В исследовании участвовали только те студентки, которые давали положительный ответ на вопрос анкеты: «Собираетесь ли Вы далее работать по специальности, полученной в вузе?» Далее выделилось три подгруппы: планирующие поступать в аспирантуру по своей специальности (15 человек), работавшие хотя бы какое-то время по своей специальности (26 человек) и собирающиеся работать по своей специальности, но еще не работавшие и не имеющие четких представлений о своей будущей профессии (10 человек).

Результаты

На первом этапе с помощью критерия Манна–Уитни сравнивались показатели респондентов, получающих педагогическое либо техническое образование (табл. 1).

Как видно из табл. 1, студентки педагогического вуза отличаются более высоким уровнем сформированности смысложизненных ориентаций

Табл. 1

Сравнение показателей студентов педагогических (N=20) и инженерно-технических (N=31) специальностей ($p < 0.05$)

Показатель	Педагогические вузы	Технические вузы
Постоянство в объяснении хороших событий (опросник оптимизма)	3.45	2
Параметр широты беспомощности (опросник оптимизма)	4.45	3.55
Персонализация в плохих условиях (опросник оптимизма)	6.15	4.61
Итог по хорошим событиям (опросник оптимизма)	12.1	9.32
Осмысленность жизни (СЖО)	104.95	96.35
Локус контроля – Я (СЖО)	20.75	18.84

в целом и большей интернальностью локуса контроля в объяснении собственного поведения, в сочетании с более высоким итоговым уровнем оптимизма (о других различиях, в том числе качественных, см.: Иванченко, 2005).

Для выборки такого объема некорректно было бы делать выводы о региональных различиях. Тем не менее показательно, что ни одного значимого различия не было получено: проживание и обучение в мегаполисе (Москва) либо трехсоттысячном городе (Таганрог) не оказывало систематического влияния на стремления и личностные характеристики выпускниц. Здесь можно провести параллель с результатами исследований Ю.У. Фохт-Бабушкина (Художественная жизнь современного общества, 1997) «духовного потенциала» горожан и сельских жителей: более многосторонние и более развитые в духовном плане личности очень

близки между собой независимо от типа поселения, региона, социально-демографических характеристик группы, а различия между территориями, социальными слоями порождаются как раз качествами не стремящейся к личностному росту частью населения, именно она служит источником или базой социальной разобщенности.

Анализ корреляционных связей показателя сформированности смысло-жизненных ориентаций с показателями оптимизма, маскулинности/фемининности и готовности к изменениям выявил значимые корреляции с постоянством в объяснении хороших событий, персонализацией в плохих условиях, общим показателем оптимизма, маскулинностью, готовностью к изменениям (положительный характер связей) и индексом надежды (отрицательный характер связи) — объяснимо тем, что по данному показателю высокие

баллы отражают безнадежность (табл. 2).

Краткое обсуждение результатов пилотажного исследования

Таким образом, как результаты корреляционного анализа, так и выявленные межгрупповые различия демонстрируют рост оптимизма при большей сформированности смысло-жизненных ориентаций и повышении интернальности. Это вполне объяснимо: представления о себе как хозяине собственной судьбы при любых, даже пока весьма скромных, достижениях формируют более позитивную и более уверенно прочерчиваемую в будущее перспективу.

По результатам исследования нами были выделены четыре стратегии (выжидательная, эскапистская, или гедонистически-ориентированная, кумулятивная, собственно достижительная), за которыми могут стоять относительно устойчивые способы принятия решений в жизненных ситуациях, причем эти способы лишь отчасти осознаются личностью. Первые две стратегии предполагают

довольно высокий уровень психологической защиты — надо ведь уметь «не замечать» существующие вокруг тебя возможности. Две последние стратегии в большей степени доступны сознательному анализу и контролю. Достижительным стратегиям, пожалуй, не хватает концентрации, но и кумулятивная стратегия не предполагает узкой направленности стремлений и желаний. Эти две последние стратегии также представляются нам сходными с выделяемыми Ю.М. Резником и Е.А. Смирновым (Резник, Смирнов, 2002) стратегиями успеха («жизнестроительство») и самореализации («жизнетворчество»). Третью же стратегию, стратегию благополучия («жизнеобеспечение»), направленную на достижение и сохранение здоровья, благополучия, хороших отношений, сложно соотнести с эскапистской и выжидательной, скорее, две последние стратегии со временем могут развиваться в достижительную либо в кумулятивную. Эскапистская и выжидательная стратегии могут перерасти в «стратегию выживания», противопоставляемую «стратегии

Табл. 2

Результаты корреляционного анализа (N=51)

	ОЖ
Постоянство в объяснении хороших событий (опросник оптимизма)	0.44
Коэффициент надежды (опросник оптимизма)	-0.39
Персонализация в плохих условиях (опросник оптимизма)	0.28
Итог по хорошим событиям (опросник оптимизма)	0.34
Общий показатель оптимизма (опросник оптимизма)	0.32
Маскулинность (МИГИ)	0.34
Готовность к изменениям (опросник стремления к изменениям)	0.43

развития» (см.: Хасбулатова и др., 2000). Помимо высокой степени зависимости личности от государства, отмечают О.С. Хасбулатова, Л.С. Егорова, Н.В. Досина, стратегия выживания предполагает технологическую неготовность к новому самоопределению, выбор таких средств адаптации, которые ориентируются на решение не перспективных, а жизненных сиюминутных проблем.

Иной ракурс анализа представлен в работе Д.А. Леонтьева и Е.В. Шелобановой (Леонтьев, Шелобанова, 2001), описывающих стратегию, ориентированную на настоящее, и стратегию, ориентированную на будущее. Первая сочетается с показателями высокой удовлетворенности настоящим, его высокой эмоциональной насыщенности. Вторая стратегия сочетается с низкой удовлетворенностью настоящим, низкой эмоциональной насыщенностью настоящим. Такие люди не самодостаточны, они открыты в будущее, устремлены к нему. Легко представить, как эти две стратегии профессионального выбора старшеклассников развиваются и трансформируются в любую из обозначенных нами стратегий, но, конечно, это предмет специального исследования. Требуется более глубокого изучения и положение о том, что личностные особенности можно рассматривать в качестве ресурсов совладающего поведения и преодоления трудностей, в первую очередь, те личностные особенности, которые свидетельствуют о достижении опре-

деленной степени личностной зрелости.

Итак, результаты пилотажного исследования позволили нам выдвинуть ряд гипотез.

Эмпирическое исследование 2

Гипотезы и методология¹

Конкретизируя проблематику основного исследования, мы сформулировали следующие рабочие гипотезы.

1. Влияние образа жизни на стратегии самоопределения в сфере возможного опосредуется ценностно-смысловыми констелляциями, составляющими стиль жизни (или стили-образующие ценности). Это будет проявляться в индивидуальных различиях, вариативность которых будет выше у студентов больших городов.

2. Внутри региональных и гендерных групп индивидуальные различия могут быть сгруппированы в соответствии с содержанием ведущего противоречия личности. Это противоречие может выражаться в несовпадении возрастающих возможностей личности и ограниченных наличных условий их реализации, или, наоборот, широких социальных возможностей при неспособности личности их реализовать.

3. Личностными ресурсами, обеспечивающими выбор респондентами продуктивных стратегий самоопределения в сфере возможного, являются характеристики позитивного

---

¹Автор выражает признательность за помощь в организации исследования проф. И.В. Федорову и проф. Е.Б. Весне, за помощь в сборе и обработке материалов исследования А.В. Груниной, Д. Замятину, С.В. Карabanовой, Е.Н. Осину, Ю.В. Рыжову, К. Смольниковой.

личностного развития (высокий уровень личностного динамизма, осмысленность и ощущение результативности жизни, умеренный уровень оптимизма, умеренный и выше уровень толерантности к неопределенности).

Помимо социологической анкеты, выявляющей социально-демографические характеристики и различные аспекты «представлений о возможном» респондента, использовались следующие методики:

- методика диагностики личностного динамизма Д.А. Леонтьева и Д.В. Сапронова;
- шкала удовлетворенности жизнью и счастья Э. Динера;
- шкала субъективного счастья С. Любомирски;
- тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (русскоязычная модификация методики «Purpose-in-Life» Дж. Крамбо, Л. Махолик) (Леонтьев, 1992);
- методика Ф. Зимбардо по временной перспективе, в адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной;
- опросник атрибутивных стилей (оптимизма-пессимизма) М. Селигмана, в адаптации Т.О. Гордеевой и В.Ю. Шевяховой;
- опросник BIDR – Balanced Inventory of Desirable Responding (русскоязычная адаптация Е.Н. Осина);
- методика «Поток в профессиональной деятельности» Д.А. Леонтьева;
- опросник толерантности к неопределенности (MSTAT) Д. Маклейна, в адаптации Е.Г. Луковицкой (Луковицкая, 1998).

Фактически указанные методики позволяли выявить своего рода ин-

дикаторы качества жизни (удовлетворенность жизнью как в целом, так и в отдельных ее сферах и аспектах).

Итак, **основными параметрами анализа** были:

- представления о возможностях, в первую очередь относящихся к выбору будущей работы выпускниками, но также и в более широкой сфере;
- удовлетворенность жизнью;
- осмысленность жизни (в аспектах будущего, настоящего и прошлого);
- стремление к изменениям, источник которых лежит внутри самой личности (личностный динамизм);
- уровень оптимизма и личностного динамизма;
- характеристики временной перспективы;
- уровень толерантности к неопределенности.

Эмпирическая база исследования

Исследование проводилось в январе-марте 2007 г. на базе Государственного университета – Высшей школы экономики (социологический факультет), Московского инженерно-физического института, Московского автодорожного института (экономический факультет), Таганрогского радиотехнического университета (с февраля 2007 г. входит в Южный федеральный университет), Таганрогского государственного педагогического университета, Таганрогского института управления и экономики, Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатского высшего мореходного училища.

В рамках основного исследования было опрошено 289 респондентов в Москве, Таганроге и Петропавловске-Камчатском. После отсека всех, кто родился в 1982 г. или раньше (19 человек), распределение по годам рождения, по году и по возрасту поступления в вуз приобрело практически симметричный харак-

тер. Средний возраст оставшихся 270 человек — 21.65. Из них только 12 человек поступили не с первой попытки, поэтому эту переменную мы не учитываем. Все опрошенные были студентами выпускного курса (4-го или 5-го).

По полу респондентов распределение оказалось следующим (табл. 3):

Табл. 3

Разбивка выборок по полу

	Таганрог	Москва	Петропавловск-Камчатский	Всего
М	38	41	42	121
Ж	44	57	48	149
Всего	82	98	90	270

Результаты

Рамки данной статьи позволят нам проанализировать только некоторые из полученных результатов. В первую очередь, нас будут интересовать региональные и гендерные особенности представлений респондентов о своих возможностях.

Большая часть вопросов анкеты была направлена на выявление степени активности и осознанности выпускником выбора работы после вуза. Это, прежде всего, вопрос 2.4: «Через несколько месяцев вы получаете диплом и вам предстоит устраиваться на работу. Выбор работы после вуза — это

1. Необходимость
2. Возможность
3. Случайность».

Опрошенные разделились практически пополам, определяя свой выбор как *Необходимость* либо как

Возможность. Значимых различий между этими подгруппами в целом выявлено не было; существенно отличалась практически по всем показателям группа выбравших вариант *Случайность*, но поскольку их оказалось всего 10 человек, эти отличия мы рассматривать здесь не будем.

Вопрос 2.6. «Успешность профессионального выбора главным образом зависит от...» предполагал три основных варианта ответа (четвертый вариант *Другое* практически никто не выбрал):

- 1) от того, как складывалась и складывается моя жизнь;
- 2) от ясности и продуманности моих жизненных целей и планов;
- 3) от благоприятного стечения обстоятельств, которые от меня не зависят.

На рис. 1 приведены результаты кластерного анализа по всей выборке

(здесь и далее в качестве метода иерархического кластерного анализа использовался метод Уорда, метрикой выступал процент совпадения ответов). Выбор вариантов 1 и 3 можно рассматривать как отражение внешней детерминированности выбора (в первом случае — скорее со стороны своего прошлого, во втором — в большей степени со стороны обстоятельств). Выбор варианта 2 свидетельствует о понимании респондентом внутренней детерминированности выбора и возможности влияния на «судьбу» своими усилиями.

На рис. 2 приведены данные, свидетельствующие о большей осмысленности жизни (по методике СЖО, интегральный показатель) у тех респондентов, которые выбрали «внутренне детерминированный» вариант в сравнении с выбравшими «внешне детерминированные» варианты. Здесь, безусловно, нет неожиданности, поскольку осмысленность — синоним если не «ясности жизнен-

ных планов», то уж точно их продуманности.

Выявились и другие различия «внешне детерминированных» и «внутренне детерминированных». У последних выше готовность к изменениям ($p=0.0015$), ощущение счастья ($p=0.003$) и удовлетворенности жизнью ($p=0.002$), существенно ниже представленность негативного прошлого во временной перспективе ($p=0.0005$), выше ориентированность на будущее ($p=0.0004$), ниже фатализм ($p=0.00001$), выше уровень оптимизма.

Были и такие респонденты, которые выбрали оба варианта — и внешней, и внутренней детерминации. Их показатели почти не отличаются от «внутренне детерминированных», но весьма отличны от «внешне детерминированных». Этот результат можно, на наш взгляд, объяснить тем, что внешняя детерминированность выбора в ряде жизненных ситуаций может существовать и

Рис. 1

Дерево кластеризации относительно испытуемых (вопрос 2.6)

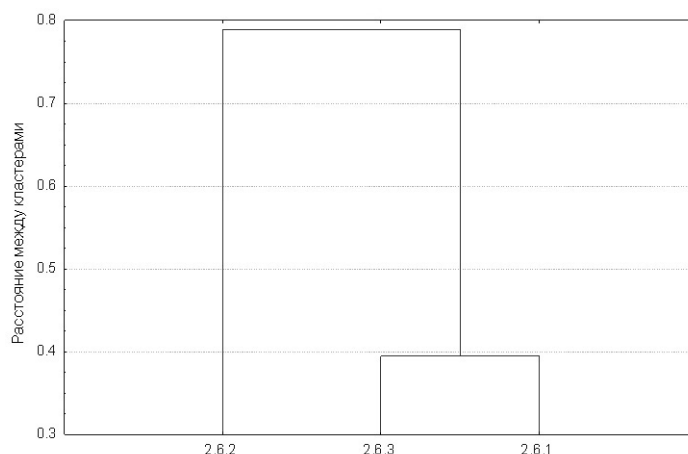
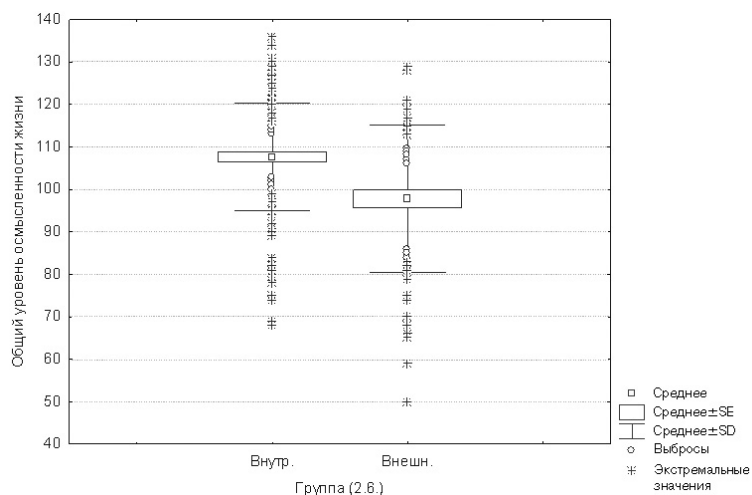

Рис. 2

Распределение по общему показателю осмысленности жизни для группы внутренне детерминированных и внешне детерминированных испытуемых

осознаваться и «внутренне детерминированными» респондентами (так, даже при поступлении в вуз в ряде случаев состояние здоровья «закрывает» некоторые варианты). Однако более показательным является выбор именно «внутренне детерминированных» вариантов: видимо, требуется либо определенный жизненный опыт, либо определенные личностные качества для того, чтобы

признать возможность самому определять свои выборы и свою жизнь.

В табл. 4 приведено распределение выборки в соответствии с ответами на вопрос 2.5 «Определились ли вы с выбором места работы?»

2.5.1. Практически определился (-лась).

2.5.2. Я всерьез работаю над этим вопросом и успею определиться вовремя.

Табл. 4

Распределение выборки в соответствии с ответами на вопрос «Определились ли вы с выбором места работы?»

		2.5.1	2.5.2	2.5.3	2.5.4	2.5.5	Всего
Внутренне детерминир.	1	43	47	13	13	19	135
Внешне детерминир.	2	24	19	9	19	2	73
Оба варианта	3	16	18	6	4	7	51
	Всего	83	84	28	36	28	259

2.5.3. Чем больше я думаю над этим, тем больше я испытываю сомнений и неуверенности.

2.5.4. Я не очень раздумываю над этим и надеюсь, что все решится само собой.

2.5.5. Другое _____.

Следует отметить, что большая часть выпускников настроены весьма оптимистично, о чем свидетельствует выбор более чем половиной опрошенных вариантов *Практически определился* и *Я успею определиться вовремя*. Наиболее показательным результатом в ответах на данный вопрос является высокая доля выбирающих ответ *Чем больше я думаю над этим, тем больше я испытываю сомнений и неуверенности* среди тех, кто связывал успешность профессионального выбора с внешними детерминантами.

С помощью следующего вопроса выяснялись критерии выбора будущей работы, был предложен следующий список:

2.7.1. Уровень и перспективы роста зарплаты.

2.7.2. Гарантии стабильности.

2.7.3. Комфортные условия труда.

2.7.4. Творческий характер работы, возможность самореализации.

2.7.5. Престижность работы.

2.7.6. Удобное место работы.

2.7.7. Хороший коллектив и отношения в нем.

2.7.8. Богатство и разнообразие перспектив.

2.7.9. Заинтересованность и уважение работодателей.

2.7.10. Общественная значимость работы.

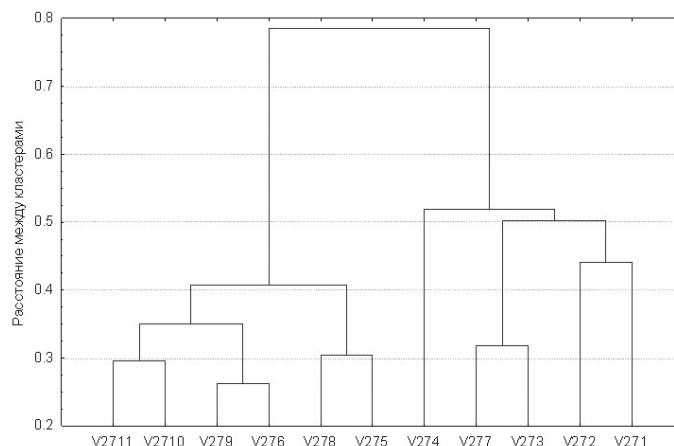
2.7.11. Возможности интересных знакомств.

2.7.12. Другое _____.

Выбирать можно было несколько вариантов. На рис. 3 приводятся результаты кластерного анализа по всей выборке. В первый большой кластер вошли попарно следующие критерии: *Общественная значимость работы* и *Возможности интересных знакомств*

Рис. 3

Дерево кластеризации относительно испытуемых (вопрос 2.7)

знакомств (этот кластер можно назвать «Социальное самоутверждение»), *Удобное место работы* и *Заинтересованность и уважение работодателей (Удобство во всех отношениях)*, *Престижность работы* и *Богатство и разнообразие перспектив (Карьера)*. Второй кластер образован парами *Комфортные условия труда* и *Хороший коллектив и отношения в нем (Комфорт)* и *Уровень и перспективы роста зарплаты* и *Гарантии стабильности (Материальная стабильность)*, в этот же кластер на некотором отдалении вошел вариант *Творческий характер работы*.

Кажущаяся парадоксальность объединения творчества с комфортом и стабильностью, на наш взгляд, объясняется, в первую очередь, тем, что в условиях карьерной гонки (кластер 1) заниматься творческой самореализацией непросто. Поэтому *Неэкспансивная стабильность* (кластер 2) и оказывается ближе самореализации, нежели *Достижительная стабильность* (кластер 1).

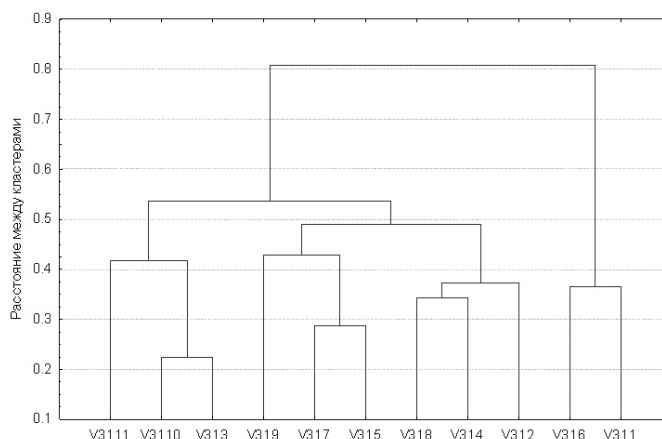
Вопрос «Чего вы стремитесь добиться в жизни?» предполагал выбор из следующих вариантов (здесь также можно было выбрать несколько):

- 3.1.1. Экономическая самостоятельность.
- 3.1.2. Внутренний рост.
- 3.1.3. Достижение высокого общественного статуса.
- 3.1.4. Творческая самореализация.
- 3.1.5. Интересные знакомства.
- 3.1.6. Счастливая семья.
- 3.1.7. Возможность посмотреть мир.
- 3.1.8. Душевная гармония.
- 3.1.9. Свобода, независимость от других.
- 3.1.10. Общественное признание.
- 3.1.11. Достижение высот профессионализма.
- 3.1.12. Другое _____.

Кластерный анализ приведен на рис. 4 В отдельный кластер выделились *Экономическая самостоятельность* и *Счастливая семья (Материальное и социальное благополучие)*.

Рис. 4

Дерево кластеризации относительно испытуемых (вопрос 3.1)

Другой, ббльший, кластер образован тремя самостоятельными кластерами. В первом из них представлены *Достижение высокого общественного статуса*, *Общественное признание* и *Достижение высот профессионализма (Социальное самоутверждение)*. Следующий кластер можно обозначить как *Внутреннее развитие* (сюда вошли *Внутренний рост*, *Творческая самореализация* и *Душевная гармония*). И, наконец, последний может быть назван *Внешнее развитие (Интересные знакомства, Возможность посмотреть мир, Свобода, независимость от других)*. По сравнению с вопросом 2.7 речь идет о более глубоких ценностных основаниях выбора, что, на наш взгляд, отчасти объясняет существенно иную связь ценностей. Показательно, что респонденты не связывают достижение высот профессионализма ни с материальным благополучием, ни с творческой самореализацией, ни с независимостью от других.

В следующем вопросе респондентам предлагалось оценить число открывающихся перед ними возможностей:

- 3.3.1. Их почти нет
- 3.3.2. Несколько
- 3.3.3. Около десяти
- 3.3.4. Множество

Два первых и два последних варианта были объединены, и было проведено сравнение показателей методик для двух групп, указавших на меньшее или большее число открывающихся возможностей.

Те, кто видит больше возможностей, более интенсивно переживают счастье, значимо отличаются личностным динамизмом (готовностью

к изменениям; $p < 0.001$), удовлетворенностью жизнью, низким фатализмом, более высоким уровнем осмысленности жизни, оптимизмом в области достижений, более высоким самообманом (но не социальной желательностью), ориентацией на призвание и толерантностью к неопределенности.

В этой группе больше тех, кто предпринимал не одну, а более попыток поступить в вуз, и больше тех, кто отмечает, что уже сталкивался с конкуренцией привлекательных вариантов. Эти и другие значимые различия групп с низким и высоким числом открывающихся возможностей приведены в табл. 5.

Отдельно остановимся на некоторых из вышеприведенных различий. Одним из самых существенных оказалось различие по параметру личностного динамизма. Вполне объяснимо то, что респонденты, видящие больше возможностей, чаще оказываются стремящимися к изменениям. Но, как отмечают создатели данной методики Д.В. Сапронов и Д.А. Леонтьев (2007, с. 69–70), при односторонней мотивационной сфере, если потребность в новизне выходит на первый план, то для субъекта велика вероятность вступления на путь «дурной бесконечности», ведущей к состоянию неудовлетворенности и к необходимости подпитывать эту зависимость. Тем самым потребность в новизне ограничивает реальный выбор. Сам по себе личностный динамизм, видимо, не является достаточным условием ориентации на многочисленные возможности и на уверенность в реализации хотя бы каких-то из них.

То, что в группе с высоким числом открывающихся возможностей выше

Табл. 5

Значимость различий (p) между группами с низким (НГ) и высоким (ВГ) числом открывающихся возможностей по t -критерию

	Среднее		Станд. отклонение		p
	НГ	ВГ	НГ	ВГ	
Личностный динамизм	56.41	59.68	5.67	7.38	0.0001
Удовлетворенность жизнью	21.23	22.82	5.44	5.43	0.0237
Субъективное счастье	19.14	20.62	3.83	3.77	0.0028
Цели	31.10	33.01	5.93	6.48	0.0165
Процесс	30.72	32.43	5.35	5.27	0.0134
Результат	25.39	27.71	4.36	3.68	0.0000
ЛК-Я	20.88	21.88	3.47	4.08	0.0378
ЛК-Жизнь	30.62	32.53	5.58	5.62	0.0085
Осмысленность жизни	102.37	108.18	14.82	15.22	0.0029
Негативное прошлое	26.53	25.66	6.29	7.29	0.3087
Гедонистическое настоящее	51.46	53.10	8.41	7.39	0.1110
Будущее	45.05	45.99	8.26	7.15	0.3540
Позитивное прошлое	33.44	33.23	5.53	5.78	0.7751
Фаталистическое настоящее	23.99	22.51	4.95	5.26	0.0226
Оптимизм: постоянство	65.98	67.38	7.65	8.68	0.1779
Оптимизм: широта	71.08	72.85	8.98	10.89	0.1579
Оптимизм: контроль	73.08	75.16	11.32	11.61	0.1599
Оптимизм в ситуации успеха	99.27	104.04	13.88	15.60	0.0114
Оптимизм в ситуации неудач	110.87	111.35	14.07	14.66	0.7956
Оптимизм в области достижений	137.17	141.91	15.22	16.16	0.0188
Оптимизм в области межличностных отношений	72.98	73.48	8.70	9.95	0.6713
Общий показатель оптимизма	210.14	215.39	21.16	23.92	0.0678
Общая самооэффективность	30.44	31.49	3.58	5.38	0.0570
Самообман (приукрашивание)	100.14	105.59	14.04	18.43	0.0078

Табл. 5 (Продолжение)

	Среднее		Станд. отклонение		<i>p</i>
	НГ	ВГ	НГ	ВГ	
Управление впечатлениями	86.64	88.73	16.73	18.43	0.3526
Самообман (отрицание)	76.18	75.63	15.81	18.69	0.8034
Социальная желательность	262.96	269.96	36.15	43.60	0.1658
Карьера	41.42	43.86	24.93	25.77	0.4688
Призвание	35.60	46.22	24.48	29.09	0.0025
Труд	42.92	42.43	26.76	29.08	0.8927
Поток в проф. деятельности	41.86	43.15	5.32	5.70	0.0666
Толерантность к неопределенности	93.49	103.30	17.16	20.50	0.0000

показатели оптимизма в ситуациях успеха и в области достижений, выявляет их общий с «видением» многочисленных возможностей источник — веру индивида в роль усилий как в основной фактор, обеспечивающий достижение успеха. Т.О. Гордеева (2007, с. 35) отмечает в этой связи важность веры субъекта в доступность ему средств достижения цели. Доступность цели и контроль результата являются центральными характеристиками в теории воспринимаемого контроля Э. Скиннера (Skinner, 1995). Человек, обладающий высокой самоэффективностью (верой в то, что он сможет справиться с определенной проблемой), склонен ставить перед собой цели достаточно высокого уровня сложности, быть настойчивым в их достижении и достигать эффективных результатов.

В последнем вопросе анкеты мы попытались определить «круги сравнения» респондентов: в сравнении с

кем они ощущают множественность или малочисленность своих возможностей, со своими родителями или однокурсниками, одноклассниками или теми сверстниками, у кого нет высшего образования, со сверстниками своего или противоположного пола?

В табл. 6 представлены результаты факторного анализа ответов на данные вопросы. Первый, ближайший круг сравнения (фактор 3) составляют родители респондентов — более широкие в сравнении с ними возможности отмечаются в особенности студентами Таганрога и Петропавловска-Камчатского. Второй, несколько более отдаленный, круг сравнения образуют те, на фоне которых респонденты также выглядят благополучными и имеющими больше возможностей. Это не имеющие высшего образования сверстники и одноклассники (фактор 2). И, наконец, третий круг сравнения (фактор 1) образован теми, у кого возможности примерно

Табл. 6

Факторный анализ «кругов сравнения» возможностей

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
3.4.1. Родители	0.06	0.01	0.98
3.4.2. Однокурсники	0.79	0.03	0.02
3.4.3. Сверстники без в/о	0.02	0.95	-0.05
3.4.4. Одноклассники	0.54	0.53	0.27
3.4.5. Сверстники своего пола	0.76	0.05	-0.05
3.4.6. Сверстники противоположного пола	0.71	0.12	0.17
Собственное значение	1.99	1.21	1.07
Объясняемая дисперсия	0.33	0.20	0.18

равны с респондентом (вошли все группы в примерно равных пропорциях). Отметим, что те, кто видит больше возможностей, видит их больше по отношению практически ко всем кругам сравнения.

Региональные различия

Начнем анализ различий в представлениях о возможностях выпускников трех регионов с вопроса о

том, чем является выбор работы после вуза — необходимостью/возможностью/случайностью (вопрос 2.4). Из табл. 7 видно, что на уровне $p = 0.08$ (по критерию χ^2) различия значимы: если для московских выпускников выбор является скорее возможностью, то для таганрогских и камчатских — необходимостью. Здесь, конечно, могла сыграть свою роль широта возможной трактовки респондентами «необходимости», «возможности» и «случайности».

Табл. 7

Результаты сравнения по критерию χ^2

	Необходимость	Возможность	Случайность	Всего	df	p
Таганрог	53	26	3	82	4	0.008
Москва	43	48	5	96	4	0.008
Петропавловск-Камчатский	63	25	2	90		
Всего	159	99	10	268		

Далее, по критерию Краскала-Уоллиса были найдены следующие значимые различия: по количеству попыток поступления ($p < 0.001$) Москва на первом месте с отрывом, Таганрог на последнем. Здесь, правда, стоит заметить, что и количество вузов для выбора в столице почти на два порядка больше. Гарантии стабильности как критерии выбора будущей работы важнее всего на Камчатке, наименее важны — в Москве ($p = 0.0132$). То же самое — с материальной стабильностью ($p = 0.0418$). Критерии, вошедшие в кластер «внутреннее развитие», важнее всего в Москве, в Таганроге и на Камчатке — практически одинаковы ($p = 0.0138$). Та же картина — с кластером «внешнее развитие» ($p = 0.06$). По числу открывающихся возможностей Москва, что ничуть не удивительно, лидирует ($p = 0.0084$); Таганрог и Петропавловск-Камчатский существенно не различаются. Московские выпускники также отмечают наибольшее отличие от родителей в плане открывающихся возможностей, на Камчатке эти отличия минимальны ($p = 0.0335$). То же — при сравнении с одноклассниками ($p = 0.0289$). По сравнению со сверстниками противоположного пола большее число возможностей отмечается респондентами Петропавловска-Камчатского ($p = 0.0044$), в Таганроге — меньше всего.

Рассмотрим различия по количественным переменным. Однофакторная ANOVA дает следующую картину: в Таганроге более других городов выражена «Забота о будущем» и наиболее высоки показатели оптимизма; то же с социальной желательностью. Ценность призвания значимо чаще

выявляется на Камчатке, менее всего — в Москве; ценность труда — в Таганроге, менее всего — в Москве. Переживания потока в профессиональной деятельности реже всего отмечается московскими студентами ($p = 0.0004$), значительно чаще — провинциальными. Несколько неожиданно, что высокий уровень оптимизма в области достижений (Таганрог) наблюдается наряду с относительно небольшим числом возможностей, «усматриваемым» респондентами. Одно из возможных объяснений — таганрогские выпускники и немногие имеющиеся возможности планируют использовать максимально эффективно, что и служит источником оптимизма. Другое — известный социальным психологам феномен «нереалистического оптимизма», обычно связываемый с юношеским возрастом.

Гендерные различия

По вопросу о выборе работы как необходимости/возможности/случайности, если убрать 10 человек, выбравших случайность, различия между мужчинами и женщинами оказываются значимыми (по критерию $\chi^2 p = 0.0459$). В табл. 9 приведено распределение по полу выбравших те или иные варианты ответов: необходимость, возможность, случайность. Если вариант *Необходимость* выбирает примерно равное число мужчин и женщин, то вариант *Возможность* существенно чаще выбирается женщинами. Не исключено, что здесь срабатывают гендерные стереотипы «факультативности» работы для женщины, тем более

Табл. 8

Значимость различий между 3 регионами (ANOVA)

	F	p
Готовность к изменениям	0.45	0.6352
Удовлетворенность жизнью	1.36	0.2596
Субъективное счастье	0.13	0.8776
Цели	2.11	0.1239
Процесс	0.22	0.8067
Результат	0.11	0.8914
ЛК-Я	3.94	0.0205
ЛК-Жизнь	0.44	0.6435
Осмысленность жизни	0.67	0.5144
Негативное прошлое	0.33	0.7202
Гедонистическое настоящее	0.91	0.4036
Будущее	4.11	0.0174
Позитивное прошлое	0.42	0.6599
Фаталистическое настоящее	0.17	0.8464
Оптимизм: постоянство	1.29	0.2760
Оптимизм: широта	2.40	0.0932
Оптимизм: контроль	2.21	0.1118
Оптимизм в ситуации успеха	2.81	0.0620
Оптимизм в ситуации неудач	1.31	0.2706
Оптимизм в области достижений	4.52	0.0118
Оптимизм в области межличностных отношений	0.89	0.4133
Общий показатель оптимизма	3.33	0.0372
Общая самооэффективность	1.93	0.1468
Самообман (приукрашивание)	8.30	0.0003
Управление впечатлениями	7.76	0.0005
Самообман (отрицание)	4.80	0.0089
Социальная желательность	7.96	0.0004
Карьера	2.91	0.0565
Призвание	3.51	0.0314
Труд	3.42	0.0343
Поток в профессиональной деятельности	7.89	0.0005
Толерантность к неопределенности	1.50	0.2254

Табл. 9

**Распределение выборки по полу: выбор ответов на вопрос
«Выбор работы после вуза – это для вас, в первую очередь...»**

	Необходимость	Возможность	Случайность	Всего
Мужчины	78	36	6	120
Женщины	81	63	4	148
Всего	159	99	10	268

замужней, и «мужчины—кормильца семьи». Еще одно объяснение можно связать с ббльшей значимостью для женщин творческой самореализации при выборе работы (и, соответственно, более «возможностным», креативным подходом к выбору).

Об этом отчасти свидетельствуют и следующие полученные результаты. Значимые различия по ранговым переменным были найдены для следующих вопросов: из критериев выбора будущей работы для женщин оказалась важнее творческая самореализация, для мужчин – уровень и перспективы роста зарплаты. Женщины существенно реже отмечают, что уже сталкивались с конкуренцией привлекательных вариантов. Как жизненная цель (вопрос 3.1) для

женщин важнее счастливая семья и внутреннее развитие (творческая самореализация, душевная гармония, внутренний рост). В целом юноши отмечают большее число открывающихся перед ними возможностей; так же воспринимают ситуацию девушки, отмечая более широкие возможности сверстников мужского пола и однокурсников в целом.

В табл. 10 приведены различия по количественным переменным между мужчинами и женщинами. В первую очередь нужно отметить значимо более высокий оптимизм девушек (межличностные ситуации и по параметрам широты и постоянства), а также более высокую социальную желательность по типу отрицания нежелательных переживаний и черт.

Табл. 10

Гендерные различия по количественным переменным

	Среднее		Станд. отклонение		p
	Ж	М	Ж	М	
Год рождения	1985.12	1985.62	0.91	1.03	0.0000
Год поступления	2002.33	2002.56	0.64	0.62	0.0054
Возраст поступления	17.17	16.87	0.71	0.72	0.0018
Личностный динамизм	57.77	57.28	5.68	7.52	0.5475
Удовлетворенность жизнью	22.52	20.92	5.29	5.56	0.0166
Субъективное счастье	20.15	19.02	3.45	4.24	0.0164

Табл. 10 (Продолжение)

	Среднее		Станд. отклонение		p
	Ж	М	Ж	М	
Цели	31.96	31.50	6.12	6.38	0.5536
Процесс	31.78	30.67	5.18	5.62	0.0961
Результат	26.31	25.92	4.11	4.58	0.4680
ЛК-Я	21.39	21.02	3.69	3.83	0.4216
ЛК-Жизнь	31.71	30.74	5.50	5.82	0.1657
Общий показатель ОЖ	105.61	102.68	14.68	15.95	0.1208
Негативное прошлое	25.78	26.92	6.70	6.62	0.1631
Гедонистическое настоящее	52.81	51.03	7.69	8.41	0.0711
Будущее	45.34	45.30	8.41	7.19	0.9636
Позитивное прошлое	33.77	32.83	5.42	5.82	0.1697
Фаталистическое настоящее	24.10	22.74	4.80	5.36	0.0295
Оптимизм: постоянство	67.61	65.04	6.63	9.30	0.0092
Оптимизм: широта	73.44	69.57	8.86	10.54	0.0013
Оптимизм: контроль	73.46	74.00	11.03	12.02	0.7033
Оптимизм в ситуациях успеха	102.50	98.88	13.98	15.46	0.0476
Оптимизм в ситуациях неудачи	112.02	109.72	12.68	15.86	0.1928
Оптимизм в ситуациях достижения	139.43	137.96	13.85	17.67	0.4478
Оптимизм в межличностных ситуациях	75.08	70.65	8.03	9.90	0.0001
Оптимизм: общий показатель	214.51	208.61	19.16	25.30	0.0319
Самоэффективность	30.64	30.94	3.73	5.04	0.5705
Самообман (приукрашивание)	100.53	103.79	15.05	16.97	0.1000
Управление впечатлениями	88.49	85.63	17.44	17.11	0.1840
Самообман (отрицание)	79.24	71.64	16.97	15.61	0.0002
Социальная желательность	268.26	261.06	39.76	37.84	0.1369
Карьера	40.43	45.04	23.99	26.93	0.1566
Призвание	40.96	37.82	26.77	26.58	0.3562
Труд	45.07	40.35	27.46	27.66	0.1772
Трудовой стаж	1.54	1.69	0.78	0.86	0.1474
Поток в проф. деятельности	42.10	42.56	5.34	5.65	0.4984
Толерантность к неопределенности	95.30	99.11	17.66	20.28	0.1045

Есть различия также по уровню субъективного счастья и удовлетворенности жизнью: девушки опережают по этому показателю юношей, что отмечается также обычно и в кросс-культурных исследованиях счастья. Впрочем, эти различия относительно невелики.

Обсуждение результатов

Остановимся вначале на проверке выдвинутых нами гипотез. Первая гипотеза подтвердилась частично: обнаружилось чуть менее половины переменных, для которых тест Ливена (о различии дисперсий) значим, т. е. существенной и систематической разницы не прослеживается, хотя есть сдвиг в сторону большей вариативности московской выборки, как ожидалось.

Ранее нами (Иванченко, 2005) было показано, что индивидуальная вариативность стратегий самоопределения ограничивается не только сходством условий жизни и деятельности поколения. Как и всякая система, сфера возможного имеет некоторый набор устойчивых состояний, которые как бы притягивают к себе множество ее траекторий, определяемых начальными условиями. Однако во всех сферах, не только в профессиональной, все более типичной становится ситуация, когда вновь и вновь приходится «довыбирать», «перевыбирать», переопределять критерии и взвешивать шансы, анализировать открывающиеся возможности.

Можно ли как-то попытаться оценить богатство возможностей в отдельных городах и регионах? Применительно к отдельным странам суще-

ствует известный «Индекс развития человеческого потенциала», ежегодно корректируемый. На наш взгляд, оценка и сравнение своих возможностей с возможностями, скажем, сверстников в других регионах редко происходит непосредственно. Важнее динамика возможностей «вчера» и «сегодня» — работы по специальности, получения приемлемой заработной платы, переквалификации и повышения квалификации, культурного досуга и т. п. Как показало наше исследование, сравнение является довольно сложным процессом: так, факторный анализ выявляет, по меньшей мере, три круга такого сравнения — ближайший (родители), благоприятный для субъекта (сверстники без высшего образования и частично одноклассники), реалистичный — однокурсники и все остальные.

Вместе с тем результаты демонстрируют весьма небольшие различия в осознании своих возможностей студентами Петропавловска-Камчатского и Таганрога. Мы предполагали, что удаленность первого от столицы и городов-миллионеров (до ближайшего, Новосибирска, самый дешевый билет стоит 8000 рублей, чуть меньше средней стоимости потребительской корзины, на январь 2007 г. — 9266.33 руб.) приведет респондентов к осознанию относительной ограниченности их возможностей. Для сравнения: от Таганрога до ближайшего города-миллионера, Ростова-на-Дону, можно добраться за полтора часа маршруткой за 60 рублей. Результаты же показывают, что как по числу возможностей, так и по переживанию предстоящего перехода от учебы к работе (возможность

либо необходимость) отличаются лишь московские студенты от остальных.

Вторая гипотеза о группировке индивидуальных различий вокруг ведущего противоречия (несовпадение возрастающих возможностей личности и ограниченных наличных условий их реализации или, наоборот, широких социальных возможностей при неспособности личности их реализовать) также подтвердилась лишь отчасти. Выше мы приводили и комментировали данные, свидетельствующие о большей осмысленности жизни (по методике СЖО, интегральный показатель) у тех респондентов, которые выбрали «внутренне детерминированный» вариант в сравнении с выбравшими «внешне детерминированные» варианты успешности профессионального выбора; а также о более высоких личностном динамизме, переживании счастья и удовлетворенности жизнью, уровне ориентированности на будущее, оптимизме. Возможности воспринимаются в качестве таковых, лишь когда они осознаны, и если они могут далее трансформироваться в наши цели и стремления. Возникает «эффект Матфея», известный в экзистенциальной психологии: «имущему добавится, у неимущего отнимется» — возможности влекут за собой новые возможности, отсутствие возможностей — еще большее их отсутствие.

Третья гипотеза связывала характеристики позитивного личностного развития с личностными ресурсами, обеспечивающими выбор респондентами продуктивных стратегий самоопределения в сфере возможного. Подтверждением этой гипотезы яв-

ляются большой личностный динамизм, удовлетворенность жизнью, низкий фатализм, более высокий уровень осмысленности жизни, оптимизм в области достижений, толерантность к неопределенности, обнаруженные у группы выпускников, отмечающих больше возможностей. Вместе с тем следует с осторожностью делать выводы о продуктивности тех или иных стратегий. Видеть больше возможностей не значит аутентичнее и полнее развиваться; вполне возможно, что выпускники, отмечающие «множество» возможностей вокруг, так и не приступят к их реализации. Хотя нам удалось выявить характеристики представлений о своих возможностях выпускников разных регионов и вузов, более тщательное изучение стратегий самоопределения в сфере возможного — задача последующих исследований.

Нелинейность зависимости настойчивости в реализации планов от результативности была продемонстрирована еще В. Врумом, показавшим, что чем выше результат деятельности, тем сильнее тенденция к действию (Vroom, 1964). В нашем исследовании «Образы возможного—невозможного в эпоху социальных изменений», проведенном в 1994–1995 гг., также подтвердилась отмеченная закономерность. Студентки и студенты, выше оценивающие свои достижения в тех или иных сферах деятельности, значимо выше оценивали и свои шансы и возможности в этой сфере. Еще более показательной является представленность в «сфере возможного» значимо большего числа целей-ценностей, относимых к этой сфере (Ivanchenko, 1996).

Гендерные различия в нашей выборке не оказались неожиданными: большую ориентированность юношей на материальные ценности и большую ориентированность девушек на ценности личностного роста отмечали многие социологи и психологи. То, что девушки отмечают относительно меньшее число открывающихся им возможностей, имеет под собой и объективные основания. Так, несмотря на практически равную доступность высшего образования для девушек и юношей, на более быстрый рост уровня образования женщин по сравнению с мужчинами, в последние годы динамика основных показателей, характеризующих качество занятости женщин, является негативной (см. например: Баскакова, 2002).

В отношении большего оптимизма девушек следует более детально проанализировать показатели, по которым значимое превышение наблюдалось. В первую очередь, это межличностные ситуации, где девушки имеют с первых лет жизни преимущества. Во-вторых, это параметры постоянства и широты, отражающие опять же больший опыт межличностных контактов с обратной связью и несколько более высокую личностную зрелость. Вообще считается, что эмоциональные реакции женщин на трудные жизненные ситуации негативнее и острее, нежели у мужчин, хотя ведут они себя более пассивно (см. например: Балабанова, 2002). И несколько больший оптимизм, в особенности в сочетании с отрицанием негативного опыта, может свидетельствовать о стремлении девушек избежать неприятных мыслей о ситуациях, с которыми они, может статься, и не встретятся.

Я.-Э. Нурми, проводивший масштабные экспериментальные исследования планирования и перспектив будущего у подростков, подчеркивает, что психологическая функция планирования продолжает развиваться даже после двадцатилетнего рубежа (Nurmi, 1991, 1992). Собственно, в этом нет ничего неожиданного, во всяком случае, для писателей: достаточно вспомнить «Ночь после выпуска» В. Тендрякова, а в романе М. Кундеры «Неведение» именно для двадцатилетнего возраста героини подыскивают определение и находят его — «возраст неведения»: «В этом возрасте выходят замуж, рожают первенца, выбирают профессию. И наступает день, когда узнаешь и постигаешь множество вещей, но уже слишком поздно, ибо вся жизнь была определена в ту пору, когда ни о чем не имеешь понятия» (Кундера, 2004, с. 154).

Помимо недостаточной сформированности психологических функций старшеклассника для зрелого, полноценного выбора, надо учитывать и склонность принять желаемое за действительное или вытеснить неприятные ожидания, отмечают Д.А. Леонтьев и Е.В. Шелобанова (Леонтьев, Шелобанова, 2001). Выпускник или выпускница еще на старших курсах выстраивает целую систему отфильтровывания информации об открывающихся возможностях, которые не только нужно реализовывать, но и осмысливать. Такая система «слепоты» к возможностям вполне адаптивна, с точки зрения состояния ожидания и неопределенности.

По сути существуют два возможных варианта несоответствия между

открывающимися возможностями и ресурсами для их освоения.

1. Возможности существенно превышают ресурсы. Приведение их в соответствие осуществляется: через уменьшение притязаний, разнообразия ресурсов, сужение сферы возможного; либо через поиск сфер, где можно максимизировать осуществление возможностей, расширение сферы поиска, увеличение интенсивности деятельности и т. д.

2. Возможности существенно меньше ресурсов. Приведение в соответствие через расширение сферы возможного, освоение новых сфер; либо через отрицание, игнорирование возможностей.

В рамках данного исследования нам не удалось выявить нескольких отдельных противоречий в развитии личности и ее мотивационной сферы, проявляющихся в профессиональном выборе при окончании вуза. С определенными оговорками можно говорить о противоречии между интеллектуальной, социальной готовностью к реализации возможностей и личностными барьерами, препятствующими осознанию возможностей в этом их качестве. Внутренняя противоречивость развития личности — это скорее норма. Так, Б.Г. Ананьев считал, что она проявляется в неравномерности и гетерохронности смены ее общественных функций, ролей и состояний, что наступление зрелости человека как индивида (физическая зрелость), личности (гражданская зрелость), субъекта познания (умственная зрелость) и труда (трудоспособность) во времени не совпадают, и подобная гетерохронность зрелости сохраняется во всех формациях.

Заключение

Согласно принципу необходимого разнообразия У. Эшби (Ashby, 1956), чем более развитой является система, тем большее разнообразие должны содержать ее компоненты для поддержания существования и развития этой системы. С общесистемных позиций можно рассматривать возможности как средство поддержания разнообразия даже в самых безальтернативных жизненных ситуациях. Вместе с тем «существование в возможности» может так и не встретиться с ответственностью, прежде всего в деле обретения себя, в самореализации.

В данной работе мы рассматривали процесс самореализации на примере профессионального выбора выпускников вузов. Выбор профессии является практически неизбежным в современном обществе, но какое-то время можно откладывать решение, рассматривая обучение в вузе как временное и ни к чему ни обязывающее состояние. Можно ли помочь тем, кто все-таки собирается сделать выбор? В соответствии с классификацией актов выбора профессии Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 1999) на простой (с имеющимися альтернативами и критериями их оценки), смысловой (с необходимостью выработки критериев) и экзистенциальный (с незаданностью и альтернатив, и критериев) следует помочь осознать задачу проектирования и осуществления своего профессионального будущего как задачи выработки альтернатив и критериев для их сравнения. Тем более, что процессы конструирования жизненных планов в стабильных условиях

ушли в прошлое или, как пишет З. Бауман, заменяются постепенно процессом самоконструирования: «В отличие от “жизненного плана”, самоконструирование не имеет определенного места назначения, цели, и в этом смысле не может управляться и оцениваться... Поэтому самособрание субъекта не является кумулятивным процессом (процессом нако-

пления), самоконструирование влечет за собой как собирание, так и демонтаж, разборку, усвоение новых элементов, так же как и отбрасывание старых элементов, научения и забывания» (Бауман, 1991, с. 36). Вслед за субъектом и вместе с субъектом изучать процессы «сборки» и «демонтажа», безусловно, предстоит и исследователям.

Литература

- Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М., 1991.
- Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б.* Человеческий потенциал России: факторы риска // *Человек.* 1997. № 1. С. 19–33.
- Балабанова Е.С.* Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // *СОЦИС.* 2002. № 11. С. 26–35.
- Балтес П.Б.* Всевозрастной подход в психологии развития: исследования динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // *Психологический журнал.* Т. 15. 1994. № 1. С. 60–80.
- Баскакова М.Е.* Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект. М.: Гелиос АРВ, 2002.
- Бауман З.* Социологическая теория постсовременности // *Социологические очерки.* Ежегодник. Вып. 1. М., 1991.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса / Вст. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994.
- Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. М., 1959. Т. 4.
- Генсаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // *Человек.* 1996. № 4. С. 5–17.
- Гордеева Т.О.* Оптимистическое мышление личности как составляющая личностного потенциала // *Психологическая диагностика.* 2007. № 1. Тематический выпуск: Диагностика личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина. С. 32–65.
- Ершов А.А.* Взгляд психолога на активность человека. М., 1991.
- Жизненные пути одного поколения /* Отв. ред. М. Титма. М., 1992.
- Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение /* Под ред. М. Титма. Таллинн, 1985.
- Зараковский Г.М., Степанова Г.Б.* Психологический потенциал индивида и популяции // *Человек.* 1998. № 3. С. 50–60.
- Иванченко Г.В.* На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // *Мир России.* 2005. Т. 14. № 2. С. 97–125.
- Иванченко Г.В.* Социокультурное пространство как пространство возможностей: объективное и субъективное измерения // *От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сборник статей.* М.: Изд-во Гос. ин-та искусствознания, 1998. С. 341–356.

- Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человек. 1997. № 6.
- Константиновский Д.Л.* Молодежь 90-х: Самоопределение в новой реальности: Профессиональные ориентации российских старшеклассников 90-х годов: планы и их реализация / Рос. акад. образования. Центр социол. образования РАН, Ин-т социологии. М.: Центр социол. образования РАО, 2000.
- Кундера М.* Неведение / СПб: Азбука-классика, 2004.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет / М.: Республика, 1993.
- Левада Ю.* К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации // Статьи по социологии. М., 1993. С. 34–49.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
- Леонтьев Д.А.* Свобода // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. С. 325–328.
- Леонтьев Д.А.* Человек и мир: логика жизненных отношений // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия / Отв. ред. Б.А. Парахонский. Киев, 1990. С. 47–58.
- Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Личностный потенциал как объект психодиагностики // Психологическая диагностика. 2007. № 1. Тематический выпуск: Диагностика личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина. С. 4–7.
- Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В.* Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–65.
- Маноха И.П.* Человек и потенциал его бытия. Опыт синтезирования онтологических и психологических познавательных техник. Киев, 1995.
- Медведев В.И., Зараковский Г.М.* Психофизиологический потенциал как фактор устойчивости популяции в условиях глобальных изменений природной среды и климата // Физиология человека. 1994. Т. 20. № 6. С. 5–15.
- Московичи С.* От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 83–97.
- Наумова Н.Ф.* Жизненная стратегия личности в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 27–35.
- Ортега-и-Гассет Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки. 1991. № 12. С. 137–152.
- Резник Ю.М., Смирнов Е.А.* Жизненные стратегии личности (Опыт комплексного анализа). М., 2002.
- Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А.* Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. Тематический выпуск: Диагностика личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина. С. 66–84.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / М.: Ad Marginem, 1997.
- Чередищенко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.
- Шеллинг Ф.* Философские исследования о сущности человеческой свободы. СПб., 1908.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / М.: Республика, 1994.
- Ashby W.R.* An Introduction to Cybernetics. London: Chapman & Hall, 1956.
- Atkinson J.W.* An Introduction to Motivation. Princeton, N.J., 1964.
- Barthes R.* Le bruissement de la langue. Paris: Seuil, 1977.
- Blau P.M.* Structural constraints and opportunities: Merton's contribution to

general theory // Robert K. Merton: Consensus and controversy. London, 1990.

Brukner P. L'Euphorie perpétuelle. Paris: Seuil, 2000.

Feather N.T. Success probability and choice behavior // Journ. Exp. Psychol. 1959. 58.

Festinger L. A theory of comparison processes // Human Relations. 1954. 7.

Giddens A. Power, the dialectic of control and class structuration // Social class and the division of labor. Cambridge, 1982.

Ivanchenko G.V. Gender-related Differences in Meaningfulness of Life // XXVI International Congress of Psychology. Montreal, Canada, August 16-21, 1996. Abstracts / International Journal of Psychology. 1996. 31. 3-4. 119.

Kleinbeck U. Motivation und Berufswahl. Gottingen, 1975.

Kuhl J. Standard setting and risk preference: An elaboration of the theory of motivation and an empirical test // Psychol. Review. 1978. 85.

Nurmi J.-E. Gender differences in adult life goals, concerns, and their temporal extension: a life course approach to future-oriented motivation // International Journal of Behavioral Development. 1992. V. 15 (4). 487-508.

Nurmi J.-E. How do adolescents see their future? A review of the development of future orientation and planning // Devel. Psych. Review, 1991. 11. 1-59.

Skinner E.A. Perceived control, motivation, & coping. London: Sage Publications, 1995.

Vroom V. Work and Motivation. New York, 1964.